

Т. Г. Румянцева
А. А. Кажемакс

ТРАНСФОРМАЦИЯ
КАНТОМ СТИЛЯ
ФИЛОСОФСКОГО ПИСЬМА
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА ПОСЛЕДУЮЩЕЕ
РАЗВИТИЕ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ
ФИЛОСОФИИ

Статья посвящена исследованию специфических особенностей стиля философского письма Канта в различные периоды его творчества, и особенно его кардинальному изменению в критический период. Дается обоснование идеи о зависимости стилистических предпочтений Канта от специфики предметной области его исследований. Также анализируется влияние, которое оказала кантовская трансформация стиля и языка философии на развитие последующей западноевропейской философии.

The article is devoted to the problem of Kant's philosophical style transformation. The research shows that this transformation has become the result in many respects of the whole Kant's philosophy problem field changing. It is also analyzed the influence of Kant's innovative style on the future west European philosophy development.

Ключевые слова: *стиль философского письма, философский язык, академическое письмо, публицистическая форма изложения, критический и докритический периоды творчества Канта, "Критика чистого разума", полнота и достоверность метафизики, природа и границы интеллектуального познания.*

Всякому внимательному исследователю кантовской философии бросается в глаза факт кардинальной перемены стиля основных работ философа в критический период его творчества по сравнению с предшествовавшими «Критике чистого разума» произведениями. Кажущаяся неожиданной серьезная трансформация его стилистических предпочтений на стыке 70—80-х гг. XVIII в. была отмечена многими обращавшимися к истории развития его мысли философами: Виндельбаном, Кассирером, Хесле и др. И хотя все они указывали на «тяжеловесную школьную серьезность» [5, с. 129], «сухую деловитость, обстоятельность и пространность» [6, с. 20] стиля Канта, пришедшего на смену грациозной веселости его предшествовавших работ, никто из них не сделал процесс этой стилистической трансформации предметом самостоятельного философского исследования. Данное упущение представ-

ляется нам достаточно серьезным, так как оно явно не способствует адекватному пониманию значимости тех изменений, которые Кант внес в область совершенствования стиля европейского философского письма и мышления в целом. Учитывая это его влияние на развитие всей последующей философской традиции, мы решили посвятить особое внимание данной проблематике и показать, как осуществлялся сам процесс этой трансформации в его работах. Все это потребовало постановки и решения следующих задач: 1) исследования специфических особенностей стиля философского письма Канта в различные периоды его творчества — до и после написания им «Критики чистого разума»; 2) обоснования идеи о зависимости стилистических предпочтений Канта от специфики предметной области его исследований; 3) выявления того, как осуществленная им реформа в области стиля и языка философии повлияла на развитие последующей интеллектуальной традиции.

В центре данного исследования располагается главная работа Канта — «Критика чистого разума» с присущим ей качественно новым, по сравнению с предыдущим периодом творчества мыслителя, стилем изложения. При этом сама первая «Критика», не являясь, на наш взгляд, единственным трудом, на основе которого можно судить о глубине всех стилистических трансформаций в творчестве Канта, выполняет, однако, роль своего рода связующего звена и координирующего центра нашего исследования.

Изменение кантовского стиля письма не было, разумеется, одномоментным актом и представляло собой достаточно длительный процесс, растянувшийся, по крайней мере, на десятилетие. Поэтому новаторская стилистика первой «Критики» возникла явно не на пустом месте и ее реализации предшествовала большая предварительная работа мыслителя.

Стилистика всех работ Канта, написанных начиная с конца 1740-х до середины 1770-х гг., представляла собой удачное сочетание профессионально-академического письма, с присущими ему школьной строгостью и дисциплинированностью, и образцов популярной философии, не игнорировавшей в том числе и публицистическую форму изложения. Несмотря на очевидную разнонаправленность стилистических приемов автора, их характерную амбивалентность и кажущуюся несовместимость, подобное письмо стало во многом результатом ряда просвещенческих тенденций XVIII века. Философия этой эпохи по-новому подошла к осмыслению формально-организационных принципов собственного познания. С одной стороны, она решительно отвергла диктат системы в качестве универсальной методологической модели построения философского знания. А с другой, — как хорошо показал Кассирер, она не отказалась от своеобразного «духа систематичности», представленного в виде своеобразной процессуально выраженной формы мышления, свободной от жестких, раз и навсегда заданных параметров собственного построения и развития [6, с. 9]. Убеждение в том, что философия должна формулировать свои истины посредством обязательной экспликации первоначально установленных и непоколебимо достоверных принципов организации бытия и выстраивать свое знание с помощью всеобщих абстрактно-логических суждений, было признано несостоятельным. Богатство содержания философского мышления не могло быть исчерпано через построение универсального научного знания. Вместо этого предлагалось видеть в философии ее чисто функциональный аспект, своеобразную методологическую установку всего процесса познания, делая акцент на специфическом для нее способе исследования и постановки вопросов [6, с. 10], — одним словом,

предлагалось обращать внимание не на содержательную сторону дела, а на форму, т. е. на способ употребления самой мысли.

Такая смена приоритетов привела к нарушению содержательной *схемы* построения всего философского знания. Потеряло свою актуальность требование предельной полноты отображения описываемой реальности, результатом тщательного соблюдения которого становились тяжеловесные метафизические системы, претендовавшие на объяснение любого возможного феномена познания в пределах предметного поля философии. При этом само предметное поле более не структурировалось исходя из принципа дедуцируемости любого суждения из очевидно истинного первоисточника, благодаря чему возникла возможность начинать философское рассмотрение интересующего объекта из любой точки мыслительного пространства. Отсутствие необходимости обращаться к достоверному основанию, полученному путем интеллектуального созерцания, вело к определенному рода «раскованности» философского мышления, приобретению им все большей свободы при конструировании способов репрезентации собственного знания. Прямым следствием произошедшей децентрализации предметного поля философии стало возрастание количества трактатов, посвященных рассмотрению периферийных, «частных» по своему характеру проблем, чья обоснованность не зависела напрямую от удостоверения априорных положений человеческой способности познания (например, «Исследования о достоинстве и добродетели» Шейфтсбери, «Персидские письма» Монтескье и т. п.).

Другим и, пожалуй, самым значительным следствием изменения традиционного способа мышления следует признать легитимацию нового стиля философского письма, по праву названного просвещенческим. Это наименование может считаться справедливым, если учесть знаковую особенность философии того времени. Пытаясь оправдать ее публичную направленность, ориентацию на разрушение массовых стереотипов и некритических представлений о реальности, последователи этой философии уделяли все большее внимание использованию новых способов конструирования и написания текстов. Цель новаторских изменений в области стиля философских произведений состояла в стремлении усилить влияние содержащихся в них идей на широкую аудиторию. Для этого подыскивались формы, максимально доступные для усвоения и хорошо знакомые читателю по изысному стилю литературных произведений. Наибольшего развития эта тенденция достигла во Франции, начиная, пожалуй, с «Опытов» Монтеня с их необузданным и в то же время «милым философским своеволием». Наиболее значимые идеи Вольтера также были представлены по преимуществу в его философских повестях, личной переписке и других «заметках по поводу». Другие видные представители просвещенческой традиции — Дидро, Руссо — также недалеко ушли от использования именно такого философского жанра.

Что касается Германии времен Канта, то просвещенческий стиль едва ли был здесь доминирующим. Однако своих приверженцев он, без сомнения, имел не мало, что выразилось, в частности, в появлении направления так называемой «популярной философии». В противовес чрезвычайно абстрактному логическому схематизму Вольфа, направившему «немецкое Просвещение в область сухой рассудочности» [1, с. 543], догматической формы и методического педантизма, популярная философия, наиболее значимыми представителями которой выступили Мендельсон и Николай, апеллировала к природной человеческой рассудительности и здравому смыслу субъекта познания. Для этого она пыталась изложить серьезные философские идеи в

форме, доступной к усвоению широкой публикой, выитрывая, как справедливо заметил Виндельбанд, в популярности, но теряя при этом в глубине и оригинальности [1, с. 596].

Кант оказался, пожалуй, единственным немецким мыслителем того периода, который сумел избежать крайностей двух характерных для тогдашней Германии традиций философствования. Творческое наследие Канта докритического периода представляло собой гармоничное соединение кристально ясного содержания философских текстов с изящным просвещенческим стилем их изложения, совмещение вольфианской скрупулезности и в то же время предельной понятности способа описания. Можно утверждать, что стилистическое отличие докритических произведений Канта от его более поздних, следовавших уже в русле «Критики чистого разума» работ, представляет собой один из существенных критериев для выделения двух различных периодов его творчества. Значительное различие в форме изложения мыслей большинства произведений докритического периода и в стилистике, характерной для периода трех «Критик», сразу бросается в глаза. Изящная легкость (ни в коей мере не искажавшая глубину содержания) образа мыслей и — вслед за ней — манеры письма Канта как-то незаметно и неожиданно трансформировались в образчик унылой школьной серьезности, уповающей на излишнюю логическую строгость и чрезмерную обстоятельность в изложении материала.

Произведения Канта конца 1740—1770-х гг. (включая сюда и текст лекции «О различных человеческих расах» 1775 г.) отмечены кристальной ясностью и чистотой воспроизводимых мыслей, их лаконичностью и простотой для восприятия даже со стороны неподготовленного ума. Мысль Канта движется еще в русле тенденций эпохи просвещения, чья идеология, пытаясь избавиться от «радикального мифологического страха» [8, с. 73], преодолевала его посредством процедуры объективации, отстранения феноменов внешней реальности от человеческого сознания. Существование всех процессов социального и природного характера предполагалось независимым от познавательных способностей субъекта, а восприятие изучаемого объекта не было обременено вопросом о самой принципиальной возможности такого восприятия. Всемерно познанная в своих причинно-следственных связях, «расколдованная» предметная реальность предстала перед взором исследователя рядом очевидных всякому человеческому рассудку истин, оформленных в виде безупречно доказанных утверждений. Как следствие, представления большинства философов XVIII в. отличались чрезвычайной ясностью внутренней логики изложения и доступностью в смысле общей понятности. Большинство высказываемых в то время идей облакалось не в форму тяжеловесных трактатов, а элегантных эссе, написанных по поводу и изданных (прочитанных) для публичного обсуждения в салонах.

Трудам Канта докритического периода также не была чужда подобная «французская форма выражения мысли» [7, с. 11], даже когда они посвящались вопросам физики, естественной истории или логики. Многие из них были написаны для журнальных и газетных публикаций или служили приглашением на курс университетских лекций, что подразумевало под собой достаточно широкий круг читателей и слушателей кантовских работ. Причины появления на свет того или иного произведения также были весьма разнообразны и порой не являлись воплощением строгого академического интереса. Работы часто писались по поводу произошедших событий или курьезных случаев (землетрясения в Лиссабоне или появление в окрестностях

Кенигсберга помещанного пастуха). При таких обстоятельствах Кант предпочитал видеть в своих произведениях аналог «полезной беседы», а не тяжелого умственного труда, находя в них скорее раскрепощенную «игру мысли», доступную здравому человеческому смыслу, чем глубокое изыскание. В соответствии с этими намерениями формировался и стиль письма немецкого мыслителя — ажурный в исполнении, легкий в восприятии.

Работа над «Критикой чистого разума» очевидным образом изменила стилистические предпочтения Канта. Основным побудительным мотивом произошедшей трансформации следует признать окончательную проблематизацию Кантом самого понятия метафизики. Еще в диссертации 1770 г. «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира» он определял статус метафизики как дисциплины, содержащей принципы применения чистого рассудка. Но поскольку, утверждал Кант, человеку не дано «созерцание рассудочного», а только познание его символов, то само уразумение доступно нам только через «общие понятия в абстрактной форме, а не через посредство единичных в конкретной форме». Стало быть, метафизике, которая одна только способна оперировать чистыми понятиями вещей и отношений, должен предшествовать детально разработанный метод познания. При этом сама разработка такого метода должна идти путем четкой фиксации принципов и основоположения рассудочной деятельности мыслящего индивида.

Пытаясь критически осмыслить ценность метафизики как науки и утвердить ее в качестве базиса для всякого возможного дискурсивного пространства, Кант не мог пожертвовать концептуальной полнотой изложения ради свободного и возвышенного полета духа, в чем он и сам признавался: «Метод моего изложения неудачен; он схоластичен, рассудочно сух, даже ограничен и весьма отличен от тона гения» [5, с. 129]. Согласно замечанию, высказанному Кантом в предисловии к первому изданию «Критики чистого разума», он стремился добиться для своего изложения скорее «дискурсивной (логической) ясности посредством понятий» [3, с. 15], нежели ясности эстетической (интуитивной), обнаруживающей себя в примерах и пояснениях. Последний «тип» ясности, по мнению Канта, мог способствовать только росту популярности его работы, но не добавлял ничего нового в концептуальном смысле, а потому им вполне можно было пренебречь.

Другим значимым аспектом стилистической трансформации стали представления Канта о самом построении дисциплины метафизики. Идя вслед за Рюдигером, Крузием и Ламбертом, Кант пытается найти самые простые, первоначальные основоположения в чувственном опыте (точнее — в его априорных формах), чтобы затем отсюда вывести заключительные определения. Таким образом, метафизика отказывается от геометрического метода своего построения, опиравшегося на аксиоматические положения высшего порядка, из которых впоследствии выводились частные определения, но сохраняет систематический характер самого построения. Она бесповоротно превращается в систему чистого разума, внутри которой должны быть достоверно обоснованы *все* положения метафизики как науки.

Пытаясь дать *полный* набросок системы метафизики, Кант не мог позволить себе одновременно ничего лишнего. Все содержание представленной им трансцендентальной философии, все понятия чистого разума должны были быть сведены под определенное число категорий, рассмотрение которых, в свою очередь, осуществлялось путем внимательного членения всей метафизики на существенно различные между собой отделы. Будущая мета-

физика как наука должна была представлять собой логически выверенную, безупречную систему принципов чистого разума, до конца проработанную и заполненную, так, чтобы отныне не оставалось никаких сомнений, связанных с адекватностью использования рассудочных категорий применительно к содержательному наполнению положительного знания.

В работе «Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука» (1783), одной из причин появления которой выступила потребность растолковать некоторые «темные» места в «Критике чистого разума», Кант выразил мысль о необходимой полноте системы метафизики следующим образом: «...чистый разум есть такая обособленная и внутри себя самой столь связная сфера, что нельзя тронуть ни одной ее части, не коснувшись всех прочих, и нельзя ничего достигнуть, не определив сначала для каждой части ее места и ее влияния на другие; действительно, так как нет ничего вне чистого разума, что бы могло изнутри исправлять наше суждение, то значимость и применение каждой части зависят от того отношения, в котором она находится к прочим частям в самом разуме; и как в строении органического тела, так и тут назначение каждого отдельного члена может быть выведено только из полного понятия целого. Поэтому о такой критике можно сказать, что она никогда не достоверна, если не *цельна (не вся)* и до малейших элементов чистого разума *не завершена*, и что относительно сферы этой способности нужно определять и решать или *все*, или *ничего*» [4, с. 14—15].

Таким образом, одно и то же требование полноты и достоверности Кант обращает не только к метафизике, но также и к ее критике. Само трансцендентальное рассмотрение природы и границ интеллектуального познания должно представлять собой четко выверенную систему принципов и категорий, внутри которой нет места беспечной игре мысли, но где все ходы строго определены и обоснованы. Как следствие, изменился и стиль философского письма Канта. Теперь он должен был удовлетворять строгим потребностям критического рассмотрения метафизики и потому не мог оставаться столь же изящным и грациозным, каким он был до того.

Прочерченная Кантом во всей полноте схема построения метафизики стала образцом для осуществления всякой будущей трансцендентальной философии и задала в том числе ее новые стилистические стандарты. Любое обращение исследователя к трансцендентально-критической проблематике отныне предполагало обязательное соблюдение некоторых правил и процедур построения его собственного философского текста, который сам должен был стать примером строгости и достоверности для всякого обосновываемого им знания. При этом последнее очень часто оформлялось в виде системы категорий и выводимых на их основе положений. В определенной мере это было возвращением к стилю письма новоевропейской рационалистической философии и даже к догматичной философской системе Вольфа, однако здесь влияние этого стиля распространялось уже не на все предметное поле философии, а было прерогативой ее особой области исследования, обращенной к анализу оснований самого человеческого познания.

Философские идеи непосредственных последователей Канта — Фихте и Шеллинга — изначально выстраивались таким образом, чтобы стать частями единого систематического целого. Концептуально оформленное философское знание приняло у Фихте образ наукоучения, занятого поиском безусловного основания (центрального компонента системы), из которого проистекает всякий априорный синтез. Эта же кантовская задача априорного синтеза как единства формы и содержания решалась у Шеллинга путем построения

единой логико-онтологической конструкции, опять-таки выводимой из первого основоположения, в качестве которого выступала «интеллигенция» — действительная сила самой природы. Строгим приверженцем системы стал и Гегель, уже в «Феноменологии духа» отметивший: «Истинной формой, в которой существует истина, может быть лишь научная система ее» [2, с. 3]. Только такая система, по мысли Гегеля, могла превратить философию в «действительное знание», а начинать ее построение следовало вновь с изложения категорий теперь уже диалектической логики.

Влияние особой формы построения и изложения философских текстов на трансцендентально-критическую традицию не ограничилось рамками исключительно классического этапа существования последней. В последующих моделях трансцендентальной философии, представленных Шлейермахером, марбуржцами, Гуссерлем, Хайдеггером, Апелем, Хабермасом и др., предпочтение опять же будет отдано все той же стилистической презумпции, составляющими которой стали: интеллектуальная обстоятельность философской мысли, исчерпывающая полнота ее изложения, логическая непротиворечивость и достоверность используемых положений, схематическая завершенность и понятийная выверенность содержательных аспектов письма. В определенной мере влияние трансформированного “критического” стиля можно проследить и в текстах представителей школы аналитической философии, и даже у французских структуралистов, что является однако предметом специального исследования.

Список литературы

1. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: В 2 т. М.: ТЕРРА, КАНОН-пресс-Ц, 2000. Т. 2. С. 512.
2. Гегель Г. В. Ф. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1999. С. 443.
3. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собр. соч.: В 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. 3. С. 741.
4. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Там же. Т. 4. С. 6—153.
5. Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 447.
6. Кассирер Э. Философия Просвещения. М.: РОССПЭН, 2004. С. 400.
7. Мамардашвили М. Кантианские вариации. М.: Аграф, 1997. С. 311.
8. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997. С. 312.

Об авторах

Румянцева Татьяна Герардовна — профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, TR30@mail. ru.

Кажемакс Андрей Андреевич — выпускник аспирантуры кафедры философии культуры Белорусского государственного университета, kazemaks@tut. by